

УДК 94 (477.65) “1362”

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАВЯЗКИ, ВЕДЕНИЯ И ИСХОДА СИНЕВОДСКОЙ БИТВЫ

Владимир БЕРЕЖИНСКИЙ (Киев)

Стаття присвячена поетапній реконструкції подій на Синій воді 1362 року, заснованій на історичних фактах та теорії військової історії.

Ключові слова: Синьоводська битва, джерела, експериментальна реконструкція, методика, теорія.

Статья посвящена возможной поэтапной реконструкции событий на Синей воде 1362 года, основанной на исторических фактах и теории военной истории.

Ключевые слова: Синеvodская битва, источники, экспериментальная реконструкция, методика, теория.

The article is devoted the possible reconstruction of the events staged at the Sinyaya Voda in 1362, based historical facts and theories of military history.

Key words: Sinevodskaya battle, the sources, an experimental reconstruction, technique, theory.

За последние годы накоплен обширный материал по Синеvodской битве. Какие-то ее аспекты изучены лучше, какие-то хуже, но в целом имеющаяся информация позволяет перейти к реконструкции этапов этой битвы.

Методы экспериментальной реконструкции, хотя и не являются новыми, но в практике историками, в т.ч. военными и археологами, используются нешироко. В основном их применяют археологи для реконструкции исторического вооружения или элементов фортификации (Ю.С. Худяков, Д. Баяр, 1992; В.В. Горбунов, 1995; Г.В. Кубарев, 2002; М.В. Горелик, 1993; А.И. Соловьев, 2004 и др.). На сегодня имеется солидная база, специально посвященная различным реконструкциям (А.М. Савин, А.И. Семенов, 1990; С.П. Нестеров, И.Ю. Слюсаренко, 1993; В.В. Горбунов, 2005; Н.П. Матвеева, Т.М. Потемкина, 2004 и др.). Действительно, реконструкция предметов материальной культуры прошлого является важным инструментом для адекватного восприятия и интерпретации древних вещей.

В данном же случае нужно реконструировать не материальный объект, а событие – битву. Собственно, сам термин “реконструкция” обозначает воссоздание первоначального облика какого-либо объекта, явления или процесса по сохранившимся частям различных памятников (Красовский В.П., 1975, с. 615 – 616; Клейн Л.С., 1992, с. 89 – 94).

Понятно, что любая реконструкция должна проводиться на научной основе, т.е. снабжаться системой доказательств. Однако это, конечно же, полностью не исключает присущего ей гипотетического характера.

Для успешного осуществления процедуры реконструкции, конечно, необходимо привлечение максимального числа разнообразных известных источников: вещественных, изобразительных, письменных. Понятно, что степень их информативности неодинакова. Поэтому основными в данном случае являются письменные источники при кажущейся недостаточности других. Но ведь они не обязательно должны напрямую иметь отношение к этой битве. Вооружение “литвинов”, “русинов” и золотоордынцев, элементы их боевых порядков, динамика ведения других боев, родовой состав воинских контингентов, преобладание отдельных видов вооружения с их влиянием на вычленение, например, подразделений “родов оружия” и многое другое – это

все то, что могут прояснить именно вещественные и изобразительные источники того времени вообще, предшествующего древнерусскому времени, а конкретно периоду кочевничества.

Этапами такой, экспериментальной, реконструкции битвы могут быть:

1. Описательная реконструкция. Ее возможности далеко не исчерпаны. До сих пор отсутствует подробное, детальное описание всех этапов битвы. Казалось бы, в источниках, в частности у М. Стрыйковского, написано все, что известно о ходе битвы. Но это далеко не так. Подобных описаний аналогичных битв и боев “русы – кочевники” более, чем достаточно. Нужно поставить вопрос: что из них применимо к Синим водам? Метод аналогий еще никто не отменил.

Описание битвы М. Стрыйковским просто требует детального разбора и толкования. И не нужно стесняться ставить перед собой самые различные вопросы. Именно ответы на них и помогут грамотно описать этапы битвы. Такими вопросами, например, по М. Стрыйковскому могут быть:

– В поход Ольгерд и татары шли откуда (район, пункты, города), как (пеше, конно, комбинированным способом, по рекам), сколько времени (элементы маршрута передвижения от исходного пункта до конечного), сколько километров, где были пункты сбора войск, места дневок, ночевок?

– Что вообще представляли собой воинские контингенты “русинов” и татар: состав, вооружение, снаряжение, численность, управление (командование), организация, деление на роды войск и оружия и пр.

У Стрыйковского у золотоордынцев – одна “большая орда”, правда с тремя князьками и поделенная на 3 отряда. Численность одной орды известна еще от С.А. Плетневой. Мобилизационные возможности и “кочевников” и “русинов” тоже. “Под ружье” они могли поставить соответственно $\frac{1}{4}$ и от $\frac{1}{5}$ до половины и более своего населения. Путем несложных расчетов можно выйти и на вопрос численности, не забывая оценить жизненную необходимость мероприятий – наступление, захват или оборона, выживание для разных сторон. Цель со стороны “русинов” – утереть нос исследователям поля Куликова, понятно, сюда не вписывается.

Стоит, вероятно, сказать, что вопрос о численности вообще – это вопрос опять же **реконструкции военной мощи** сторон, первый этап ее реконструкции – определение количественных сторон военного потенциала. Второй (технологический) – реконструкция (определение) эффективности и степени совершенства вооружения; третий (организационный) – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; четвертый этап (общественный) – определение способности и желания общества эффективно применять военную силу. Прекрасный, на мой взгляд, пример подобной, подчеркиваю, научной, реконструкции численности и всего военного потенциала Крымского ханства имеется в работе В.В. Пенского (Пенской В.В., 2010, с. 56 – 66).

Не нужно забывать, что у разных исследователей одна большая орда Стрыйковского трансформируется просто в три орды. Численность тогда разная, все разное.

Зная численность орды, можно выйти на максимальную численность ее войска при тотальной мобилизации (все мужское население от 15 до 70 лет). каждые 7 чел., выставляли одного воина и 2 лошади (Крадин, 2002, с. 71 – 72; Плетнева, 1990, с. 79, 114). Можно выйти и на число строевых лошадей (“боевых” коней). У каждого татарского воина их было 3 – 4. В бою человек сидел на одной лошади, а остальные были сзади, под охраной определенного числа коневодов (1 чел. на приблизительно 10 лошадях). Кстати, именно эти

лошади входили обычно в число трофеев победителей. Вместе с заводными лошадьми был и обоз. Это 1 телега на 5 чел. (Пенской В.В., 2010, с. 62).

Далее – что означает у Стрыйковского “быстрое маневрирование” “русов” и “танцы полукругом” ордынцев. Со вторым понятно, но не всем. Можно предположить, что второе – это хорошо известная (по М.Г. Горелику в т.ч.) “карусель”, “хоровод” кочевников, целью которого было не сделать “дырочку” в боевом построении противника из 2-3-х человек (по Б. Черкасу), а вывести его из равновесия, расстроить его строй. Одним словом это называется завязка боя. Ее цель – определить место главного удара (если он планируется), в чем, зная тактику кочевников, есть сомнения. Лобовые удары – не из арсенала тактических средств ордынцев, даже при их 5-кратном превосходстве.

Известно, что татарские военачальники, если уж и решались на сражение, то в основном тогда, когда перевес был на их стороне (без данных хорошо поставленной разведки они вообще не принимали решения на бой) и есть высокие шансы на победу (если же противник вынуждал татар принять бой). Но и в этих случаях они стремились действовать так, чтобы с наибольшей эффективностью использовать свои главные козыри – скорость, маневр и массивную стрельбу из луков (но не непрерывную: всего 30 стрел в колчане). По словам Герберштейна, “Они очень смело вступают в битву с врагом издали, – это, однако ж, бывает непродолжительно: они обращаются в притворное бегство и, улучая удобную минуту, пускают стрелы назад в преследующих неприятелей, потом, внезапно повернув коней, снова делают нападение на рассыпанные ряды врагов. Когда им доводится сражаться в открытом поле и неприятель находится на расстоянии полета копья, они вступают в битву не стройными рядами, а кружатся около неприятельского войска, обхватывая его со всех сторон, чтобы вернее и свободнее метать в него копья. Они наступают и удаляются в удивительном порядке... Этот род сражения по своему сходству с танцами называется у них пляской...” (Герберштейн, 2002, с. 251 – 258). Вот еще один тактический прием в дополнение к “хороводу”, “карусели” – “танец”, “пляска”.

Встает новый вопрос – какими основными тактическими приемами пользовались в это время противостоящие стороны? Битву нужно рассматривать в контексте других боев (битв) золотоордынцев, в первую очередь в 1350 – 1370 гг. Здесь уместно будет поставить вопрос, могли ли стороны использовать резервы – засады (считается, что только гениальный полководец мог в это время выделять резервы, но ведь у кочевников он был всегда, во все времена, только с непонятным для многих названием – “засада”), притворные отходы – заманивания, обходы с флангов и т.д.

Г. де Боплан хорошо подметил, что в войне с татарами побеждал более хитрый, а не более сильный, а соревноваться в хитрости и умении вести войну с татарами было трудно (Боплан, 2004, с. 249). Не стоит забывать и о том, что противостояние татар с русами и литвой носило еще и религиозный характер. В исходе же битвы, судя по источникам, сомневаться не приходится. Как отмечал известный военный теоретик и историк Н.П. Михневич: “... войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые...” (Михневич, 1911, с. 38).

Другими вопросами из Стрыйковского могут быть:

- Что такое построение “6-и выгнутых” (не вогнутых!) отрядов?
- Что означает стремление татар “окружить в обычных столкновениях (сутьчихах)”? Кого? Часть? Всех “русинов”?
- Что такое “правильное построение” по-литовски?
- Что значит “с самострелами со стрелами наскочить с боков”? На все войско, на фланги отдельных отрядов?

Много значит упоминание Стрыйковского о том, что основной удар был совершен “русинами” с длинными копьями. Поневоле возникает ассоциация с таранным ударом.

“Поля и реки” на месте боя, Стрыйковского тоже, вероятно нельзя игнорировать. Не поле и река, а поля и реки.

Важно уяснить, что при описании битвы эти вопросы должны иметь отношение именно к битве, как таковой, а не быть просто размышлизмами. Что мы знаем и чего не знаем для описания битвы вообще? Можно посмотреть в военных энциклопедиях, что это за круг вопросов. Для составления этих вопросов нужно привлекать не тех, кто может задать столько вопросов, что 1000 умных не ответит, а людей компетентных в военной истории, знающих, чем драка отличается от боя, битва от сражения и т.п.

Каждый вопрос должен быть четко и грамотно сформулирован. Круг таких вопросов обобщается, сужается по-возможности и структурируется, в т.ч. по принципу – важный, второстепенный, другой (вспомогательный). Вопросы эти ставятся перед людьми, способными дать на них вразумительные ответы. А после их получения следует собственно описание битвы, ее описательная реконструкция уже без гипотез и допусков, отсеянных в процессе работы.

Разумеется, что к описательной реконструкции этой битвы нужно привлекать людей, имеющих базовое историческое и военное образование, занимающихся подобной проблематикой. Пока множество попыток описания грешит дремучей некомпетентностью, непониманием азов тактики, истории, археологии. Трудно ожидать достоверных результатов в вопросах военной организации, численности войска, тактики боевых действий, вооружения от любителей древностей, местных краеведов, журналистов, не в обиду им сказано. Какой уровень подготовки исследователя – такой и уровень реставрации.

Нужно абстрагироваться от ущебного принципа “поиска предков – родственников”, деления противостоящих сторон на “наши – ваши”. Ведь и среди исследователей битвы могут встретиться люди с фамилией Мамай, а не только Голопупенко или Чеснюлявичюс, например.

2. Графическая конструкция – является вторым этапом экспериментальной реконструкции битвы. Она станет наглядным элементом информации о боевом составе, боевом построении, составе и элементах боевого порядка, вооружении и тактике сторон. В демонстрационном плане она может использоваться самостоятельно, но в аналитическом отношении составляет равноценную пару с текстом. Основывается она на выводах и итогах описательной реконструкции, не стоит заниматься графической реконструкцией раньше описательной, переделывать придется.

Графическая реконструкция может включать в себя 3 основных элемента – схемы, рисунки-схемы и художественные рисунки. Все они представляют интерес, но наиболее насыщенной в информационном плане является схема.

Рисунки-схемы представляют собой изображения, близкие к чертежу. Просто рисунки хорошо передают детали, не затененные фактурой. Они могут выполняться в масштабе и снабжаться разрезами. Художественные рисунки обладают уже эстетикой и “живостью” восприятия.

Комплекс вооружения конкретных воинов, их воинский костюм, технику боевого применения отдельных видов вооружения и даже тактические элементы и приемы можно изобразить как раз на рисунках-схемах или художественных рисунках. Примеров подобных реконструкций сегодня множество и в литературе, и в интернете. Некоторые из них не отвечают требованиям, демонстрируя батальные сцены, в результате чего возникает перегруженность рисунка-схемы или художественного рисунка.

Перегруженність таких видів графічної реконструкції частіше вредить, ніж сприяє досягненню їх головної мети – наочно зобразити етапи битви.

Для складання схеми битви спочатку потрібно подивитися в літературі, бажано військово-історичній, як вона складається, які елементи включає, що подається в так званій “легенді” – короткому усному викладі подій або в справочному матеріалі про чисельність, озброєння і т.д. В підручниках тактики різного рівня, справочній літературі (книжки “Карта командира”, “Робоча карта командира” і т. п.), коментаріях до атласів карт і схем по військовій історії (Л.Г. Бескровного, наприклад, 1947 г.), академічному “Атласі офіцера” і додатках до нього з комплектами різних справочних таблиць і вказувачів географічних названь не підготовлений до цієї роботи дослідник знайде дуже багато нового для себе і навіть несподіваного, а під час і цікавого. Наприклад, він з дивинням виявить, що для позначення різних елементів бойового порядку (групування сил і засобів, розгорнутої для ведення бою) мають свої тактичні позначення (причому для різних історичних періодів різні), розроблені військовими людьми ще за 2 – 3 століття до народження дослідника. Він дізнається, що частини війська не обов’язково позначати заштрихованими або чистими квадратами зі стрілками, що, виявляється, і піхоту, і кінноту, і відділи лучників, арбалетчиків, копійщиків і т.д. можна зобразити спеціально розробленими (для зручності і розуміння всіма) знаками. В кінці-кінців він зрозуміє, що для того, щоб щось зобразити графічно, потрібно чітко представляти, що це таке (бойовий порядок, наприклад), з яких частин, елементів він складається, як позначається на схемах в стабільному положенні і як в динаміці.

Якщо ж його огорчить наявний у нього рівень знань і навичок подібної реконструкції, можна звернутися за допомогою до будь-якого офіцера – командира, бажано общевойськового, а краще оператору – офіцеру оперативного відділення, відділу або управління штабу відповідного рівня, який всю життя тим і займається, що “рисує карти”, виконує подібну роботу на професійному рівні.

Вовірно зрозуміло, що для занять графічною реконструкцією потрібні спеціальні здібності, одних знань мало. Як мінімум – це так звані в армії “штабна культура” – вміння малювати, чертити, писати, оформляти документи в відповідності з пред’являються до них вимогами. Не кожному людині це під силу.

Навіть “схеми” битв в відомій, чудово виданій книжці пошанованого Н.Ф. Котляра про військову справу Давньої Русі, співробітника не менше пошанованого інституту історії НАНУ під час нагадують не графічну реконструкцію, а малюнки для заставок до мультимедіа (так гарячо любимою нашої наукової в т.ч. молодіжню і не тільки нашої), в чому-то перекликаються з художніми заставками його іншої книжки для дітей “Полководці Давньої Русі”, до того ж носіями явно виражений “західно-український стиль” графічного зображення, але зробленими “за всю Україну – Русь”.

Ілюстрування всіх цих питань при складанні графічної реконструкції схеми Синеводської битви привело до появи декількох, буквально 2 – 3-х схем за все велике час її дослідження. Поки що з розряду “доморощенності” вони не виростили. В кожній з них присутні і недоработки, і помилки, і навіть “ляпи”, не говорячи вже про ступінь завершеності цієї графічної реконструкції.

Само составление схемы битвы еще не является окончательным завершением графической реконструкции. Потом эту полученную условную (экспериментальную) схему нужно наложить на схему предлагаемой местности. Именно схему, а не панораму, топосъемку, карту, аэрокосмический снимок и т. д. Получится более или менее достоверная графическая реконструкция битвы, с ее этапами: завязка, ход и исход – преследование и уничтожение отходящего противника.

Понятно, что эта реконструкция не может быть ни единственной, ни окончательной. Для того она и создается, чтобы с получением новых знаний дополняться и совершенствоваться, выходя на новый уровень понимания изображенного на ней события.

3. Моделирование битвы – третий этап экспериментальной реконструкции. Это – высшая ступень реконструкции. Изготовление реальной модели битвы в различном виде (компьютерном, мультимедийном, на ящике с песком, на местности и др.) помимо приобретения определенных навыков, позволяет выяснить многие вопросы, например, особенности и динамику взаимодействия отдельных частей реконструкции как системы и др. При проведении серии экспериментов с моделью определяются ее возможности и функциональные качества, правильность других видов реконструкции.

Другими словами, с помощью моделирования проверяются другие виды реконструкции. Удачными примерами работы по такой реконструкции могут служить, например, фильмы В. Загорулько по военно-исторической тематике, работы группы киевских исследователей по компьютерному моделированию Корсунь-Шевченковской битвы и др. А ведь битвы Второй мировой войны и битвы XIV в. далеко не равнозначны по сложности реконструкции.

В целом же методика реконструкции Синеводской битвы должна основываться на комплексном подходе, заключающемся в сопоставлении всех имеющихся источников, при определяющем значении тех, в которых уже содержатся элементы ее реконструкции, а также привлечении к этой работе подготовленных людей, способных решать поставленные перед ними серьезные научные задачи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас офицера. – М.: Генеральный штаб ВС СССР, 1984. – 396 с.
2. Бережинский В.Г. Методология военно-исторического исследования. – К.: Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем Вооруженных Сил Украины, 2001. – 33 с.
3. Бережинский В.Г. Структура и уровни военно-исторического исследования. – К.: Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем Вооруженных Сил Украины, 2002. – 40 с.
4. Бескровный Л.Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. – М.: Военное издательство Народного комиссариата Вооруженных Сил Союза ССР, 1946. – 192 с.
5. Боплан Г.Л. де. Описание Украины. – М.: Древлехранилище, 2004.
6. Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русичи, 2003.
7. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III – XIV вв.: В 2 ч. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. – Т. 1. – 174 с.; Т. 2. – 232 с.
8. Горелик М.В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 155 – 160.
9. Горелик М.В. Армии монголо-татар X – XIV веков: Военное искусство, снаряжение, оружие. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.
10. Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2002.
11. Михневич Н.П. Стратегия. – СПб., 1911. – Кн. 1.

12. Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). – 2010. – № 2. – С. 56 – 66.
13. Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990.
14. Помбрик И.Д., Шевченко Н.А. Карта офицера. – М.: Воениздат, 1985. – 176 с.
15. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград: Учитель, 2006.

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Бережинский Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель председателя правления Украинского института военной истории.

Научные интересы: военная история Украины.

УДК 902 (477.41) “13”

ПІВДЕННІ КИЇВСЬКІ ПЕРЕДМІСТЯ В ЕПОХУ СИНЬОВОДСЬКОЇ БИТВИ (на прикладі селища Ходосівка-Рославське)

Ігор ГОТУН, Мар'яна ГУНЬ, Андрій СУХОНОС (Київ)

У дослідженні на прикладі археологічних матеріалів з селища Ходосівка-Рославське проаналізовано наслідки історії південних київських території середини XIV ст.

Ключові слова: битва на Синіх Водах, Київ, Велике князівство Литовське, археологія, соціально-економічні процеси.

В исследовании на примере археологических материалов из поселка Ходосовка-Рославское проанализированы последствия истории южных киевских территории середины XIV в.

Ключевые слова: битва на Синих Водах, Киев, Великое княжество Литовское, археология, социально-экономические процессы.

In the research on the example of archaeological materials from the village Hodosivka-Roslavske the effects of the history of the southern territory of Kiev mid XIV century are analyzed.

Key words: Battle of Suni Vodu, Kyiv, Grand Duchy of Lithuania, archeology, socio-economic processes.

Значення битви на Синіх Водах, у результаті якої Київщина й Поділля увійшли до складу Литовської держави, непересічне. Новітні дослідження констатують, що ця подія відіграла значно більшу роль, порівняно з пізнішою битвою на Куликовому полі. Але надзвичайно важливі політичні наслідки перемоги відтісняють на другий план те, що золотоординським силам нищівна поразка була завдана литовсько-руським військом зі значною кількістю жителів сучасних українських і білоруських земель у його складі. А можливість протистояти такому грізному супернику, як орди монголо-татарських правителів, була зумовлена, передусім, рівнем соціально-економічного розвитку суспільства. Цей рівень за браком письмових джерел можна охарактеризувати за допомогою аналізу археологічних матеріалів, що активно накопичуються. Таке дослідження дозволить певною мірою підійти до реалізації сформульованого свого часу підходу “відтворення історичного процесу в усій його повноті і різноманітні немислиме без урахування основних закономірностей розвитку суспільства, найважливішою з яких є функціональний зв’язок між матеріальною культурою, матеріальними умовами життя і соціально-економічними структурами” [43, с. 5], який не втратив актуальності й сьогодні.